

М. В. Пулькин

**ПОЛИТИКА РУСИФИКАЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.:
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (по карельским материалам)***

УДК 39(470.2)

ББК 63.521(=661)

В статье рассматривается административный аспект национальной политики России в отношении карелов в конце XIX — начале XX в. Специфической чертой национальной политики на северных окраинах империи стало существенное влияние финских проповедников, которые рассматривали Олонецкую губернию как часть собственных национальных проектов. Выявлено, что последовательная правительственная политика в языковом вопросе оказалась невозможной. С одной стороны, практические потребности управления настоятельно требовали использования в делопроизводстве и повседневной административной практике того языка, который понимала значительная часть населения. Ситуация осложнялась активной пропагандистской кампанией, нацеленной на сохранение языка коренного населения края. Популярную идею защиты этнической идентичности брали на вооружение едва появившиеся политические партии, находя поддержку среди потенциальных избирателей. С другой стороны, потребности, связанные с модернизацией жизни государства, настоятельно требовали унификации на основе русского языка. К началу XX в. представители местной администрации разработали с этой целью широкий комплекс мероприятий. К их числу относились меры административно-полицейского характера; важная роль отводилась системе образования и церкви; предполагалось также заселение Карелии выходцами из русских губерний, т. е. ускорение процессов культурной ассимиляции. Для ее идеологической поддержки создавались произведения, в которых подчеркивалось явное преобладание русского элемента в карельской культуре. Однако проекты, нацеленные на усиление роли русского языка, не достигли успеха. В начале XX в. вытеснение языков коренных народов из повседневного обихода рассматривалось как отдаленная перспектива.

Ключевые слова: карелы, национальная политика, русификация, образование, администрация, местная власть

Термин «русификация» приобрел широкое распространение в научной литературе. Распространение русского языка считалось задачей государственной важности и тесно связывалось с ослаблением роли туземных языков. В Российской империи правовые ограничения «действовали исходя из конфессионального признака и из степени владения государственным (русским) языком».¹ Русификаторская политика отождествлялась со стабильностью Российского государства.

В Карелии в конце XIX в. имелись свои собственные, специфические стимулы для русификаторской политики. Они проявились в связи с внешним фактором — «национальным

пробуждением» в Финляндии. Перелом в отношении России к финскому национальному движению начался с 1870-х гг. Важным моментом стало путешествие финского журналиста А. В. Эрваста. В беседах с карелами он убеждал их «не презирать своего языка и не отдавать предпочтения перед ним русскому», выступал против русских школ, беспокоился об излишне сильном влиянии Соловецкого монастыря как главного препятствия на пути соединения карелов и финнов и выражал надежду на слияние этих народов в едином великом государстве.² Едва проявившаяся угроза распространения панфинских идей за пределы восточной границы Финляндии постепенно начала приводить к изменению настроений в российской административной элите.

Экстренные меры в противостоянии новой угрозе виделись во всестороннем укреплении местной администрации, в повышении эффективности ее деятельности. Этнической

¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998. С. 15.

Пулькин Максим Викторович — к.и.н., с.н.с., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра (г. Петрозаводск)
E-mail: mvpulkin@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках темы «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012

² См.: Бородкин М. М. Финляндский вопрос. СПб., 1905. С. 58. В дальнейшем воспоминания А. В. Эрваста были опубликованы. См.: Ervasti A. W. Muistelmia matkasta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, 1918.

специфике края при этом уделялось самое пристальное внимание. В некоторых случаях местные власти составляли документы, регламентирующие деятельность крестьянского самоуправления, как на русском языке, так и на карельском. В 1871 г. указы сотским и десятским, в которых разъяснялось «значение обязанностей, способы их выполнения и та ответственность, которой они будут подвергаться за бездействие по службе», были переведены на карельский язык.³ Однако попытки властей объясняться с карелами и составлять для них документы на их родном языке не всегда оказывались удачными. Этнограф В. Майнов, побывавший в Паданах в 1870-е гг., обнаружил там «кучу брошюр». Присланные из Петрозаводска «указы» никто не мог прочесть, включая и местных жителей — карелов. Причиной стал «человеческий фактор»: переводчик «берет русское слово, коверкает его, как коверкают русские слова наши русаки на китайской границе, думая этим облегчить их понимание». Из слова «приказ» легко получается неологизм «приказу». «Ясно, — пишет В. Майнов, — что карелы, не понимающие слова “приказ”, тем еще менее поймут нелепое “приказу”».⁴ «Ловкий человек» — изобретатель слов на карельском языке — придумал и использовал в указах множество новых слов: вместо «бродяги» — «бродягат», вместо «беглые» — «беглойт», «дороги» превратились в «дорогат», «сборы общественные» — в «окладат общественнойт»⁵ и т. д. «Для чего же... трудился и потел переводчик?» — задавал сам себе и местным жителям вопрос В. Майнов. «Получил за то награду», — сообщил волостной старшина.⁶

Стремление использовать карельский язык в решении местных управленческих проблем парадоксальным образом сочеталось с русификаторскими тенденциями во внутренней политике России. Они находили поддержку «и в общей тенденции царствования императора Александра III, и в позднейших реформаторских устремлениях правительства».⁷ Смысл нововведений, в иронической интерпретации С. Ю. Витте, сводился к следующему: «обращу всех в истинно русских».⁸ Объективно такая политика «отражала процесс фор-

мирования русской нации», который сопровождался национальной унификацией и ростом национализма.⁹

В Олонецкой губернии для идеологической поддержки ассимиляции местного населения создавались произведения, в которых подчеркивалось явное преобладание русского элемента в карельской культуре. Мирон Смирнов, автор книги с красноречивым названием «Голос корела», писал: «У корел ничего своего нет — ни преданий, ни песен; у них все русское. Кто мало-мальски имеет способность и развитие, тот уже старается говорить по-русски и учиться русской грамоте».¹⁰ Смирнов предлагал отказаться от всех попыток «вводить между корелами грамотность на туземном карельском наречии» и скорее перейти к использованию только русского языка во всех сферах жизни. Карелы, по его мнению, делятся на «три категории экономического развития». Во-первых, часть карелов входила в «торгово-промышленную» категорию, большинство представителей которой «настолько в состоянии говорить по-русски, насколько это необходимо», причем многие из них «знают также русскую грамоту». Во-вторых, можно выделить «самобеднейшую» часть карельского населения, которая «отводит своих детей с малолетства в русские губернии, где знакомятся с русским языком сами собою». Третью категорию составляют карелы, занимающиеся хлебопашеством и домашними промыслами. Но и они «кое-как умеют читать по-русски (изустно) краткие молитвы». Среди них «не найдется не только парня, но даже девушки, которые бы не спели полдюжины русских песен, — конечно же, с искажением русских слов».¹¹

Идеи, выраженные в произведении М. Смирнова, с одной стороны, отражали господствующие настроения в правящей элите российского общества, а с другой — опирались на давние традиции конформизма в этнической сфере, характерные для «восточных финнов».¹² Но они соответствовали и реальной ситуации, сложившейся к концу XIX в. на населенных «иногородцами» пространствах Европейского Севера России. На фоне культурной ассимиляции местного населения значение карельской культуры

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 122. Оп. 1. Д. 12/590. Л. 1.

⁴ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 290.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 292.

⁷ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века. М., 2004. С. 421.

⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 274.

⁹ Азиатская Россия... С. 421.

¹⁰ Смирнов М. Голос корела. Путевые заметки и карельская поэзия. СПб., 1890. С. 7.

¹¹ Там же. С. 89–90.

¹² Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 108.

для политической жизни края возрастало в связи с развитием панфинской пропаганды. Сталкивались две тенденции — набирающая обороты русификация и настоятельная необходимость использования карельского языка. Имеющиеся документы позволяют утверждать, что в начале XX в. вторая тенденция существовала и активно пропагандировалась в прессе. В первых номерах «Вестника Олонецкого земства» был опубликован призыв серьезно заняться изучением языка местных жителей. Деревенское духовенство, агрономы, другие земские и административные служащие, говорилось в статье, испытывают серьезные затруднения из-за незнания карельского языка. При желании «изучить разговорный язык населения не представляется к тому, кроме медленной практики, никакой возможности». Причина затруднений очевидна: «до сих пор не имеется никаких научных пособий по карельскому языку — ни словаря, ни даже простейшего букваря». Вопрос о создании словаря, с точки зрения земства, стал «не только академически интересным, но и весьма важным в его жизненно-деловом значении».¹³

В 1908 г. олонецкий губернатор Н. В. Протасьев составил докладную записку на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина. В документе предлагались решительные меры, направленные на то, чтобы «положить предел попыткам финнов, пока культурно, а затем и политически, завоевать русское достояние». Далее планировалось «перенести влияние русской православной государственности за восточный рубеж Финляндии».¹⁴ Столь решительная постановка вопроса предполагала широкий комплекс мероприятий. К их числу относились, во-первых, меры административно-полицейского характера, в частности увеличение числа станковых приставов в Повенецком и Петрозаводском уездах и «изменение границ участков земских начальников». Во-вторых, олонецкий губернатор предлагал меры образовательного характера — открытие учительских семинарий и «министерских народных училищ повышенного типа с преподаванием ремесла». В них карелы могли обучаться не только ремеслам, но и русскому языку. В-третьих, важная роль отводилась церкви, в особенности духо-

венству тех приходо́в, где карелы составляли значительную часть населения. Планировалось повысить жалованье тем служителям церкви, которые используют карельский язык в профессиональной деятельности. В-четвертых, предполагалось «заселение Олонецкой границы выходцами из коренных русских православных губерний», т. е. говоря современным языком, ускорение процессов культурной ассимиляции. Губернатор планировал провести в Карелию железнодорожную ветку, «соединенную с сетью русских железных дорог», и организовать агрономическую подготовку как местного населения, так и будущих переселенцев.¹⁵ Предложения сопровождалось куда более радикальными высказываниями местной епархиальной прессы: «Все инородцы России, в видах благополучия и наилучшего положения, обязаны изучить язык господствующего народа и забыть навсегда мысль о том, чтобы этот язык уступил свое место каким-либо местным языкам в государственных школах и других учреждениях».¹⁶

Меры, направленные на распространение русского языка, не ограничивались пределами Европейского Севера России. Повсеместно в населенных «инородцами» частях Российской империи органы власти всех уровней стремились к унификации официального делопроизводства на основе русского языка. Цель нововведений начала XX в., как полагает С. Лаллукка, заключалась в том, чтобы «интегрировать инородцев в российское сообщество и сделать их полнокровными российскими гражданами».¹⁷ В современной литературе высказывается несколько преувеличенное, на мой взгляд, мнение о том, что «существование особого этнического мира в социокультурном пространстве России кажется труднодостижимым для русского интеллекта».¹⁸ Но рецепты упорядочения и унификации имперского пространства, в том числе и Европейского Севера, трудно найти в материалах делопроизводства.

В 1907 г. к решению языковых проблем подключилось олонецкое губернское земство, объявив, что «твердо решило бороться с панфинской пропагандой всеми силами и всеми средствами, достойными культурных людей

¹³ Ковальский И. О необходимости составления словаря и элементарного учебника карельского языка // Вестн. Олонец. Губерн. земства. 1907. № 15–16. С. 40.

¹⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 2. (Докладная записка олонецкого губернатора тайного советника Протасьева его высокопревосходительству господину председателю Совета министров статс-секретарю гофмейстеру П. А. Столыпину).

¹⁵ Там же. Л. 20б.

¹⁶ Ягодкин Д. О правах и обязанностях человека // Олонец. Епарх. ведомости. 1906. № 9. С. 363.

¹⁷ Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 55.

¹⁸ Калинин И. К. Указ. соч. С. 112.

и обязательными для верных сынов своей родины».¹⁹ Отныне ставка делалась на ускорение процесса ассимиляции карелов, о чем в документах земства говорилось с предельной откровенностью: «коренные русские люди образуют свои поселения на границе с Финляндией и среди карел». Переселенцы приносят в Карелию «свое русское влияние и лучшие способы обработки земли, разделят карельское население, вольются в него и скорее ассимилируют его».²⁰ Для того чтобы переезд русского населения стал массовым и успешным, земство предполагало построить железную дорогу от Петрозаводска до пограничных с Финляндией мест Северной Карелии. Рекомендации земства опирались на выводы ученых. Специалисты полагали, что «заселение громадной площади казенных земель Олонецкой губернии является неотложным вопросом заселения края пришлым элементом». Колонизационный процесс, по их мнению, должен был принести положительные результаты — поднять «интерес в старожиле населении к лучшей сельскохозяйственной культуре».²¹

Переселение русских на национальные окраины рассматривалось властью как своего рода панацея. Как пишет А. Миллер, «в стремлении обезопасить границы, власти империй прибегали к переселениям, депортации и колонизации <...> Даже в мирное время происходили массовые подвижки населения».²² Начиная с XIX в. действия русских переселенцев стали важным фактором в процессе ассимиляции мордвы.²³ После 1906 г. в Казахстане и Средней Азии «центральным вопросом национальной политики» стала «русская крестьянская колонизация».²⁴ Карелия не стала исключением. В то же время земская печать Олонецкой губернии подчеркивала сомнительность начинаний, связанных с переселением, и призрачность возлагаемых на него надежд, ведь «на культурное влияние колонистов на местных крестьян рассчитывать трудно», так как «немногие из наших губерний могут послать

переселенцев, привыкших к более совершенным приемам в сельском хозяйстве».²⁵

Развитие социально-экономической ситуации в начале XX в. привело к успехам обрусения, но они не стали весомыми. Их источником послужили не целенаправленные действия органов власти, а жизненные потребности «инородцев». К началу XX в. карелов, знающих два языка, насчитывалось немного: лишь 10 % сельских карелов могли сравнительно свободно говорить по-русски, а также читать и писать. «Русским языком владели преимущественно мужчины, освоившие его во время службы в армии или благодаря занятиям отхожими промыслами».²⁶ Обзоры Олонецкой губернии рисовали сходную картину. В них указывалось, что местные «инородцы, особенно мужское население, благодаря распространению школ и общению с русским населением постепенно ассимилируются». Среди женщин, «ввиду малого количества обучающихся девочек и малой подвижности с мест жительства взрослых женщин, инородческий язык еще держится прочно».²⁷ В приграничье влияние финского языка оказалось более заметным, чем русского. «Крестьян, знающих русскую грамоту, мало, зато много грамотных по-фински. Последнему способствовали и постоянные сношения и экономическая связь с Финляндией».²⁸ В целом, к началу XX в. родной язык карелов не вытеснялся: дома говорили по-карельски, а выходя за его пределы, все чаще использовали русский язык.²⁹

Устойчивость существования «инородческого» языка в значительной степени обуславливалась позицией самих местных жителей. Они не желали отказываться от родного, пусть и «непрестижного», «наречия». Подавляющая часть карелов «оставалась двуязычной и не считала карелами тех, кто утратил родной язык».³⁰ Среди соседних народов отмечались сходные тенденции. Так, процессы обрусения вепсов происходили «преимущественно в зоне этнических рубежей, где была выше

¹⁹ Доклад Комиссии по разработке вопроса о проведении в край железной дороги в чрезвычайное Олонецкое губернское земское собрание. НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 200б.

²¹ Переселение и колонизация // Изв. Архангел. О-ва изучения Рус. Севера. 1913. № 2. С. 86.

²² Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 37.

²³ Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу, 1997. С. 12.

²⁴ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 575.

²⁵ Г. Г. Г. К вопросу о колонизации Олонецкой губернии // Вестн. Олонец. Губерн. земства. 1915. № 1. С. 7.

²⁶ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 197.

²⁷ Обзор Олонецкой губернии за 1902 год. Петрозаводск, 1903. С. 25.

²⁸ Фесвитянинов С. М. На границе Финляндии (Очерк) // Вестн. Олонец. Губерн. земства. 1911. № 14. С. 12.

²⁹ См.: Прибалтийско-финские народы России. С. 197.

³⁰ Бернштам Т. А. Русско-карельско-саамские этнокультурные связи. К проблеме формирования поморов // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1974, 1976. Л., 1977. С. 61.

плотность этноязыковых связей народов-соседей и шире распространена национально-смешанная брачность».³¹ К началу XX в. попытки ускоренными темпами, путем административного нажима искоренить «инородческие» языки постепенно уходили в прошлое: колонизационные проекты провалились. Первоначально внушавший большие надежды проект строительства железной дороги на север Карелии остался на бумаге.

Идеи привлечения «административного ресурса» для распространения русского языка не получили поддержки в правительстве России. На рубеже XIX и XX вв. премьер-министр России С. Ю. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал: ускоренному «сближению инородческих племен с русской народностью» мешает опасение создания «без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству».³² Популярную идею защиты этнической идентичности брали на вооружение едва появившиеся политические партии, находя поддержку среди потенциальных избирателей — представителей нерусских этносов Европейского Севера России. Партия кадетов отстаивала «полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью развитие языка, литературы и культуры каждой народности».³³ В Коми крае кадеты «первыми выступили с политическими документами на коми языке, организовали первые общественные беседы с крестьянами на их родном языке».³⁴ В Олонецкой губернии они оказались весьма влиятельной партией, однако сведений об их деятельности в сфере сохранения и развития местного языка не имеется.

Новые явления в жизни северо-западных окраин империи связаны не с государственной политикой или деятельностью политических партий, а с национальным пробуждением их коренных жителей. Повсюду в Европе «воинство языковых националистов комп-

лектовалось главным образом провинциальными газетчиками, школьными учителями и амбициозными мелкими чиновниками».³⁵ В начале XX в. публицисты констатировали: «...в двух шагах у имперской столицы начинается гирлянда сравнительно небольших народов», которые проснулись «от векового сна» и «с живым усердием» принялись «за крайне интенсивную работу национального возрождения».³⁶ С одной стороны, оживление национальных движений непосредственно связано с революцией 1905 г. Оно охватило всю территорию Российского государства, «начиная с обладающего богатой национальной культурой польского народа и кончая инородцами Сибири, среди которых замечаются только первые проблески культурного развития».³⁷ С другой стороны, становление и подъем национальных движений обуславливались распространением просвещения среди «инородцев».

Европейский Север России не стал исключением из общего закономерного процесса. К числу «пробужденных» народов относятся карелы. Их собрания предъявляли местной интеллигенции — учителям, клирикам, чиновникам — требование изучить карельский язык и использовать его в профессиональной деятельности. Так, 21 декабря 1905 г. около 300 человек, собравшихся в Ухте на митинг по поводу предстоящих выборов в Государственную думу, потребовали, чтобы «местные чиновники по крестьянским делам, для которых желательно знание национального языка», избирались местными «обществами».³⁸ Вторым требованием стало введение уроков на карельском языке. Предлагалось также совершать по-карельски церковные требы и богослужение.³⁹ Правда, обращение собрания осталось без ответа. Дальнейшее развитие событий связано с деятельностью Союза беломорских карел. Председатель Союза, купец Митрофанов, утверждал, что возглавляемая им организация создана в Финляндии для того, чтобы «в заграничной Архангельской

³¹ Прибалтийско-финские народы России. С. 358.

³² Цит. по: Дякин В. С. Указ. соч. С. 52.

³³ Полный сборник платформ всех русских политических партий с приложением Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года и всеподданнейшего доклада графа Витте. СПб., 1906. С. 59, 60.

³⁴ Таскаев М. В. Национальный аспект в деятельности кадетских организаций на Европейском Севере России (по материалам Коми края) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. С. 275.

³⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 187.

³⁶ Славинский М. А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России: сборник статей 1909–1910 гг. М., 1991. С. 406.

³⁷ Залевский К. Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1911. Кн. 7. Т. IV. С. 241.

³⁸ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1326. Л. 7, 8об.

³⁹ Там же. Л. 8об.

Карелии поднять родной язык и национальное чувство».⁴⁰ При создании организации ее лидеры учитывали, что им неизбежно предстоит столкнуться с противодействием как чиновников, так и духовенства: «бюрократия притесняет, да и священники сильно подозревают». Союз планировал действовать главным образом при помощи школ, литературы и родного языка, влияя на карелов «в воспитательном направлении». Достигнув успеха, он намеревался «взяться за дело политического пробуждения»⁴¹ карелов. Финансовая подпитка из Финляндии позволила Союзу открыть в карельских деревнях несколько школ и библиотек, однако его деятельность в принудительном порядке прекратилась в 1909 г.⁴²

Подведем итоги. Повсюду в России власти «в своем стремлении к скорейшей унификации управления инородцами» преувеличивали «степень готовности аборигенов к воспри-

ятию общероссийских административных... и судебных порядков»⁴³. Но созданные в чиновничьей среде проекты остались лишь на бумаге. С одной стороны, ресурсы государства не соответствовали масштабам чиновничьих амбиций. В середине XIX в., пишет финский историк С. Лаллукка, «светские и церковные власти вынуждены были признать, что они не достигли цели, состоявшей в объединении нерусских меньшинств вокруг трона и алтаря».⁴⁴ С другой стороны, карельский язык продемонстрировал неплохую жизнеспособность. В начале XX в. вытеснение «инородческих» языков рассматривалось всего лишь как отдаленная перспектива. Главной же целью местной власти стало использование «наречий» коренных жителей Европейского Севера России для эффективного решения повседневных административных, церковно-просветительских и образовательных задач.

Maxim V. Pulkin

Senior researcher, Institute of Language, Literature and History Karelian Research Centre (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: mvpulkin@mail.ru

RUSSIFICATION POLICY IN THE LATE 19TH — BEGINNING OF 20TH CENTURY: THE ADMINISTRATIVE ASPECT (on the Karelian materials)

The article deals with the administrative aspects of the national policy in relation to Karelian in late XIX — early XX century. A specific feature of the national policy on the northern outskirts of the empire was a significant effect of the Finnish preacher who viewed Olonets province as part of their own national projects. It was revealed that the consistent government policy in the language question was not possible. On the one hand, the practical management needs of highly demanding use in office work and daily administrative practices of the language, which is understood a large part of the population. The situation is complicated by the active propaganda campaign aimed at the preservation of language of the indigenous population. The popular idea of the protection of ethnic identity took on arms barely emerging political parties, finding support among likely voters. On the other hand, the requirements relating to the modernization of public life, it is strongly demanded unification on the basis of the Russian language. By the early XX century local authorities have developed an extremely wide range of activities. These included measures of administrative and police character — an increase in the number of law enforcement officers. An important role was played by the education system and the Church. Assumed the acceleration of the processes of cultural assimilation. For its ideological support to create works that emphasized a clear predominance of the Russian element in the Karelian culture. Projects aimed at strengthening the role of the Russian language, did not succeed. In the early twentieth century. displacement of indigenous languages of daily use was seen as a distant prospect.

Keywords: *Karelia, national policies, Russification, education, administration, local authorities*

⁴⁰ Там же. Л. 80–81 об.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки, СПб.: Норма, 2006. С. 287–295.

⁴³ См.: Конев А. Ю. Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 1995. С. 166.

⁴⁴ Лаллукка С. Указ. соч. С. 54.

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike XVI—XX veka* [Asiatic Russia in geopolitical and civilizational dynamics 16th — 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2004. 600 p. (in Russ.).
- Bernshtam T. A. *Russko-karelysko-saamskie etnokulturnye svyazi. K probleme formirovaniya pomorov* [Russian-Karelian-Lappish ethnocultural ties. To a problem of formation of Pomors]. *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoy nauchnoy sessii Instituta etnografii AN SSSR 1974—1976* [Summary of reports of a year scientific session of Institute of ethnography of Academy of Sciences of the USSR 1974—1976]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, pp. 60—72. (in Russ.).
- Dyakin V. S. *Natsionalnyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX — nachalo XX v.)* [Ethnic question in domestic policy of a tsarism (the 19th — the beginning of the 20th century)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998. 1000 p. (in Russ.).
- Ervasti A. W. *Memories about trip to the Russian Republic of Karelia in spring 1879* [Muistelmia matkasta Venäjän Karjalassa kesällä 1879]. Helsinki, 1918. 138 p. (in Finnish).
- Kalinin I. K. *Vostochno-finskie narody v protsesse modernizatsii* [The East Finnish people in the course of modernization]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 178 p. (in Russ.).
- Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [The nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg: Aleteyya, 1998. 306 p. (in Russ.).
- Konev A. Yu. *Korennyye narody severo-zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiyskoy imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Indigenous people of northwest Siberia in a management system of the Russian Empire (19th — the beginning of the 20th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 218 p. (in Russ.).
- Lallukka S. *Vostochno-finskie narody Rossii. Analiz etnodemograficheskikh protsessov* [East Finnish people of Russia. Analysis of ethnodemographic processes]. St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 1997. 391 p. (in Russ.).
- Miller A. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and nationalism. The essay on methodology of a historical research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 248 p. (in Russ.).
- Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish people of Russia]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 671 p. (in Russ.).
- Slavinskiy M. A. *Russkaya intelligentsiya i natsionalnyy vopros* [Russian intellectuals and ethnic question]. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii. Sbornik statey 1909—1910 gg.* [Milestones. The intellectuals in Russia. Collection of articles 1909—1910]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1991, pp. 406—418.
- Taskaev M. V. *Natsionalnyy aspekt v deyatelnosti kadetskikh organizatsiy na Yevropeyskom Severe Rossii (po materialam Komi kraya)* [National aspect in activity of the cadet organizations in the European North of Russia (on materials of the region of Komi)]. *Formirovaniye, istoricheskoe vzaimodeystvie i kulturnye svyazi finno-ugorskikh narodov* [Formation, historical interaction and cultural ties of the Finno-Ugric people]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 2004, pp. 272—278. (in Russ.).
- Toydybekova L. *Mariyskaya yazycheskaya vera i etnicheskoe samosoznanie* [Mari pagan belief and ethnic consciousness]. Yoensuu: Univ. of Joensuu Publ., 1997. 328 p. (in Russ.).
- Vitte S. Yu. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960. Vol. 3. 723 p. (in Russ.).
- Vitukhnovskaya M. A. *Rossiyskaya Kareliya i karely v imperskoy politike Rossii, 1905—1917* [The Russian Karelia and Karelians in imperial policy of Russia, 1905—1917]. *Khelysi ki*, St. Petersburg: Norma Publ., 2006. 384 p. (in Russ.).
- Vlasty i reformy. Ot samodержavnoy k sovetskoy Rossii* [Power and reforms. From autocratic to the Soviet Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1996. 816 p. (in Russ.).